

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джудит Керр родилась в Берлине в семье немецких евреев. Ее отец, Альфред Керр, выдающийся писатель, яростно выступал против нацизма задолго до прихода Гитлера к власти. В 1933 году семья Керр была вынуждена покинуть Германию. Джудит тогда было девять лет.

«А мама дома?» – финальная часть трилогии, в основе которой лежат события из жизни самой Джудит Керр. В первой части, «Как Гитлер украл розового кролика», ее семье в последний момент перед приходом нацистов к власти удается покинуть Германию. Сначала беженцы живут в швейцарской деревушке, затем – в Париже и в конце концов оказываются в Англии.

Вторая часть, «Как бог съел что-то не то», посвящена взрослению героини: во время Второй мировой войны она живет в Лондоне и учится в школе искусств.

События третьей части происходят через одиннадцать лет после победы над нацизмом. Героиня по семейным обстоятельствам оказывается в Берлине – городе, где она родилась и откуда бежала...

Джудит Керр также известна как автор и иллюстратор книжек-картинок – в первую очередь наверняка популярных историй о кошке Мяули

и книги «Тигр, который пришел выпить чаю», переведенной более чем на тридцать языков.

Писательница жила в Лондоне вместе с мужем, известным британским литератором и сценаристом Найджелом Нилом. Их дочь стала кинорежиссером, а сын – писателем. Последнюю из многочисленных кошек Джудит звали Поузи.

23 мая 2019 года Джудит Керр ушла из жизни в возрасте 95 лет.

От издательства Harper Collins

Моему мужу

СУББОТА

Коврик был идеального красного цвета: без рыжины, но и не слишком темный — такой чистый оттенок очень трудно найти. Он будет чудесно смотреться в гостиной.

— Вот этот, пожалуйста, — сказала Анна.

Сегодня у нее, без сомнений, удачный день!

По пути к прилавку Анна взглянула на свое отражение в большой стеклянной витрине, где были выложены скатерти и салфетки. Зеленое пальто (не доставшееся от знакомых, а купленное на собственные деньги и сидевшее точно по фигуре), узорчатый шелковый шарфик, модно подстриженные темные волосы и выражение спокойной уверенности на лице — все соответствовало статусу магазина. Молодая, но уже достигшая кое-чего в жизни англичанка вышла за покупками! «Да, — подумала она, — я именно такая и есть!»

Пока она выписывала чек и продавец вносил ее имя и адрес в квитанцию для доставки, Анна представляла, как расскажет Ричарду о коврике. Теперь у их квартиры будет почти законченный вид. Останется докупить совсем немного — вроде занавесок и абажуров для ламп. Если Ричард в ближайшее время закончит рукопись, они смогут выбрать эти вещицы вместе.

Продавец вписал фамилию Анны в квитанцию и теперь, очевидно, хотел о чем-то спросить.

— Извините, мадам, — решил он наконец. — Вы, случайно, не родственница джентльмена, который пишет сценарии для телевидения?

— Это мой муж, — ответила Анна, чувствуя, как по лицу расплывается дурацкая самодовольная улыбка.

«Ну что за нелепость, — тут же подумала она. — Пора бы уже привыкнуть».

— Правда? — Лицо продавца порозовело от удовольствия. — Я непременно расскажу об этом жене. Знаете, мы смотрим все телеспектакли вашего мужа. И откуда он только берет свои идеи? Наверное, вы помогаете ему писать?

— Ну что вы! Нет! — засмеялась Анна. — Это он мне помогает.

— Правда? Вы тоже пишете?

«И зачем я только ввязалась в этот разговор?» — подумала Анна.

— Я тоже работаю на телевидении. Но, как правило, переписываю небольшие фрагменты сценариев других авторов. А если что-то не получается, то дома спрашиваю совета у мужа.

Продавец немного подумал и решил, что ответ Анны не стоит внимания.

— В прошлом году, когда шел тот длинный сериал вашего мужа, мы с женой вечером по субботам даже никуда не ходили. И все наши знакомые — тоже. Это было так увлекательно! До этого ничего подобного не показывали.

Анна кивнула и улыбнулась: то был первый большой успех Ричарда.

— После этого мы как раз поженились.

Она вспомнила бюро регистрации браков в Челси рядом с ортопедической клиникой, у которого собрались родители Ричарда, приехавшие с севера страны, мама Анны, прилетевшая из Берлина, и их друзья с Би-би-си, а кузена Отто даже развезло: сам он утверждал, что это от жары, но на самом деле — от шампанского. Потом за Анной и Ричардом приехало такси, и они уехали вдвоем...

— У нас в жизни тоже не было ничего подобного, — сказала она продавцу.

Анна вышла из магазина на Тотнем-Корт-роуд — и мир вокруг нее взорвался светом и шумом. Рядом с магазином строилось новое здание, и пронизанный солнцем воздух дрожал от гула пневматических дрелей. Один из рабочих — без рубашки, несмотря на октябрьскую прохладу, — подмигнул Анне, когда та проходила мимо. Бульдозер у него за спиной сгребал обломки разрушенного бомбой дома, на стенах которого еще сохранились обрывки обоев и штукатурки. Скоро в Лондоне совсем не останется следов, напоминающих о бомбежках. Давно пора, подумала она. После войны прошло уже одиннадцать лет. Она перешла на другую сторону улицы, где было потише. Здешние магазинчики не претерпели значительных изменений: невзрачные, с разномастными товарами, неизвестно для кого предназначенными. «Вулвортс» тоже мало изменился.

Когда они только-только переехали в Англию, спасаясь от преследований гитлеровцев, Анна с мамой как-то зашли сюда. И мама тогда купила себе за шиллинг пару шелковых чулок. А позже, когда папа уже не мог зарабатывать деньги, она была вынуждена покупать только по одному чулку, за шесть пенсов, и ей никак не удавалось подобрать пару — чулки всегда хоть немного отличались по цвету.

— Если бы я хоть раз — хоть раз! — могла купить сразу пару чулок! — жаловалась мама.

И вот теперь Анна покупала дорогой коврик, а мама вернулась в Германию и получала зарплату в долларах — как будто и не было никаких лишений. Только папа не увидел, как все изменилось: он не дожид до этого дня.

Где-то поблизости находилась гостиница, в которой они поселились сразу после приезда в Англию; Анна хотела было отыскать ее, но отказалась от этой идеи. В здание во время налета попала бомба, и, скорее всего, сейчас Анна бы его не узнала. Как-то раз она хотела показать Ричарду другую гостиницу, в Патни, куда они переехали после той бомбежки. Но на ее месте стояли три типовых дома, на одну семью каждый, с одинаковыми лужайками без единого деревца и бестолковыми мощеными дорожками. Единственное, что сохранилось с тех времен, — это скамейка в конце улицы, на которой, греясь на солнышке, иногда сидел и курил трубку папа. Вместо табака он использовал сухие листья и лепестки роз. А на завтрак съедал кусок хлеба, обжаренный на газовой

горелке, с размазанной по нему рыбной пастой (ровно одна седьмая часть консервной банки). Если бы папа дожил до этого момента, если бы увидел все это, думала Анна, проходя мимо винного магазина, в витрине которого теснились бутылки, — как бы он радовался! На Оксфорд-стрит суетились субботние покупатели. Может, ей зайти в «Либертиз», взглянуть на лампы? Но тут, когда она проходила мимо остановки, подошел семьдесят третий автобус. Анна заскочила в него, поднялась наверх и села, подставив лицо теплему солнышку. Пока автобус медленно полз в плотном потоке машин, она размышляла о том, как новый коврик будет выглядеть в их крошечной гостиной и что ей надеть сегодня вечером.

Перед магазином «Селфриджиз» толпились люди, разглядывая разноцветную гипсовую фигуру, установленную над центральным входом. «Загляните к нам — вас ждет дядюшка Холли и его гномы*!» — гласили плакаты в каждой витрине. «Боже мой, — подумала Анна, — люди уже готовятся к Рождеству!»

В Гайд-парке среди тощих платанов двигалась небольшая оживленная процессия, направлявшаяся, очевидно, к Уголку ораторов. Ее участники несли в руках плакаты с надписями: «Русские, прочь из Венгрии!», а кто-то прикрепил к картонке вырезку из утренней газеты с фотографией русских

---

* Рождественские персонажи, придуманные специально для магазина «Селфриджиз». (Здесь и далее — прим. ред.)

танков под заголовком «Стальное кольцо вокруг Будапешта». Большинство участников шествия, судя по всему, были студентами, а несколько человек в возрасте, в старомодной темной одежде, видимо, были венгерскими беженцами. Один из них, в поношенном пальто, с умным бледным лицом, напомнил Анне папу.

В районе Найтсбридж поток машин поредел. Автобус проезжал мимо парка Кенсингтон-гарденз, и Анна смотрела, как листья облетают с деревьев и устилают лужайки, где школьники под присмотром учителей играют в футбол и раундерс*.

Анна сошла в конце Кенсингтон-Черч-стрит и пошла к дому пешком по засаженным улицам Кэмпден-хилл. Здесь машины ездили редко, а пешеходов было мало. Из-за живых изгородей перед домами доносились ароматные запахи — было время обеда. В коляске спал малыш. Кошки дремали на заборах и тротуарах. И повсюду — листья и листья. Один проплыл в воздухе совсем близко от Анны. Она потянулась и поймала его прямо на лету. «Это к удаче!» — вспомнила Анна детскую примету. Несколько секунд она удерживала его в руке, а потом разжала пальцы и наблюдала, как он, кружась, улегся на землю, вместе с другими листьями.

Они с Ричардом жили в новом доме. Анна дошла до угла, увидела их дом и тут же непроизвольно прибавила шаг. Это происходило с ней каждый раз. Она

---

* Р а у н д е р с — старинная английская игра в мяч, напоминающая русскую лапту или американский бейсбол.

знала, что это глупо, ведь они женаты уже больше года, но ничего не могла с собой поделаться. Анна бросилась через дорогу и взбежала по каменным ступеням красно-кирпичной террасы, столь густо усыпанной листьями, что она чуть не поскользнулась. У входа в квартиру этажом ниже портье разговаривал с мальчиком на велосипеде и, увидев Анну, помахал ей и что-то крикнул... Она не расслышала, но не смогла остановиться — слишком быстро бежала. Она не стала ждать лифт и понеслась наверх через две ступеньки, отперла дверь и — наконец-то! — увидела Ричарда.

Он сидел за пишущей машинкой — как и несколько часов назад, когда Анна уходила. Перед ним на столе лежала аккуратная стопка бумаги, а под столом стояла корзина, доверху набитая скомканными листами, часть из них даже вывалилась на пол. В крошечной гостиной за спиной Ричарда виднелись их новенький полосатый диван, красный стульчик, купленный на прошлой неделе, и занавески, сшитые из ткани, рисунок которой Анна придумала еще во время учебы в школе искусств. На фоне этих ярких расцветок волосы Ричарда казались особенно темными, а лицо — утомленным и бледным: нахмурившись, он яростно печатал двумя пальцами.

Обычно Анна не отвлекала мужа от работы. Но сейчас она была слишком счастлива, чтобы ждать. Анна дала ему допечатать строку и сказала: — На улице просто замечательно! Я обошла весь город и нашла коврик для нашей гостиной.

— Правда? — Ричарду потребовалось некоторое время, чтобы вернуться к реальности из мира, в котором он пребывал.

— Продавец магазина видел все твои телеспектакли. А когда узнал, что я твоя жена, на полном серьезе попросил у меня автограф.

— Это слава! — улыбнулся Ричард.

— Ты добрался до середины?

Ричард, заметила Анна, бросил взгляд на страницу, запроваленную в машинку, смиряясь с тем, что на время работу придется отложить.

— Думаю, пора пообедать. Так или иначе, я написал большой кусок. — Он встал и потянулся. — Что за коврик? Действительно красный?

Анна принялась расхваливать коврик, но тут в дверь позвонили.

— ...именно то, что мы искали, — сказала она и пошла открывать. Оказалось, это портье.

— Телеграмма.

Она была адресована Анне. В такой день могли прийти только хорошие новости! Анна быстро открыла ее — и тут же все вокруг помертвело.

Каким-то странным образом Анна ясно видела Ричарда, хотя глаза ее не отрывались от телеграммы.

— Что там? — услышала она.

Ей показалось, что время замерло и минула целая вечность, хотя на самом деле прошло всего несколько секунд. Она сунула телеграмму Ричарду в руки.

— Ничего не могу понять... Мама никогда не болела... — сказала Анна растерянно.

Ричард положил телеграмму на стол, и Анна снова прочла ее: вдруг она что-то не так поняла?

«У ТВОЕЙ МАМЫ ОПАСНАЯ ПНЕВМОНИЯ ТЧК МОЖЕТ ПОНАДОБИТЬСЯ ТВОЕ ПРИСУТСТВИЕ ТЧК ЗАБРОНИРУЙ РЕЙС ЗАВТРА ТЧК ПОЗВОНЮ ДЕВЯТЬ ВЕЧЕРА»

И подпись: Конрад.

— Она ничем, кроме простуды, никогда не болела, — пробормотала Анна. — Я не хочу в Берлин.

Дай ей волю — она бы сейчас опровергла все, что угодно.

Затем Анна обнаружила, что сидит рядом с Ричардом. Его лицо искажала тревога, и она против всякой логики подумала, что не стоило ей отрывать его от работы... Ричард обнял ее за плечи.

— Речь идет всего лишь о брони. Возможно, лететь не придется. Возможно, когда Конрад позвонит, твоей маме уже будет лучше.

«Конечно... Конечно!» — подумала Анна. Она попыталась вспомнить, что ей известно о Конраде. В течение всех лет знакомства с мамой Конрад производил впечатление более чем ответственного человека. Возможно, он перестраховывается, и к вечеру мама уже будет сидеть в кровати, с возмущением глядя на него своими голубыми глазами: «Ради всего святого, Конрад! И зачем ты только телеграфировал детям?»

— Как ты думаешь, Конрад и Макс отправил телеграмму? — спросила Анна.

Макс, брат Анны, находился в Греции.

Ричард неопределенно покачал головой:
— Кто знает! — А потом внезапно добавил: — Хочешь, я полечу с тобой?

Его предложение и тронуло, и испугало Анну.
— Конечно нет. Тебе надо работать над сценарием!.. И что бы ты делал в Берлине?

Ричард поморщился:
— Если бы я говорил по-немецки...
— Я не об этом. Ведь ты понимаешь: там ты вообще не мог бы писать. Кроме того, это моя мама и за нее отвечаю я.
— Наверное...

В итоге Анна позвонила в авиакомпанию «Пан Американ». Там были очень любезны, когда она объяснила ситуацию, и сказали, что забронируют для нее место. После этого поездки стала практически решенным делом, и Анне вдруг захотелось расплакаться.

— Знаешь, — сказал Ричард, — тебе надо выпить.

Он налил Анне виски, который они держали для гостей, и она выпила его залпом.

— И поесть, — добавил Ричард.

Когда они с сэндвичами и кофе уселись в маленькой гостиной, Анне стало заметно лучше.

— И все-таки мне непонятно, — проговорила она, сжимая в ладонях теплую кружку (это действовало успокаивающе). — Мне кажется, по нынешним временам, когда у людей пневмония, врачи колют им пенициллин. Разве в Германии до сих пор нет антибиотиков?

— Должны быть.

— В любом случае в Америке точно есть. А ведь мама работает у американцев... И как это она вдруг подхватила пневмонию?

Ричард немного подумал:

— Кажется, она писала в последнем письме, что они отправляются куда-то на корабле? Может, там что-нибудь случилось: она промокла, замерзла, не сменила одежду...

— Конрад заставил бы ее.

На мгновение Анна представила себе Конрада — большого и надежного — и маму, которая смеется и восклицает:

— Это всего лишь кусочек воды!

Мама всегда говорила «кусочек воды» — одна из немногих ошибок, которую она допускала в английской речи. Но, возможно, наедине они с Конрадом говорят по-немецки. Анну поразила эта мысль: а ведь она не знает, на каком языке мама и Конрад разговаривают друг с другом!

— Хорошо бы найти это письмо, — сказала Анна и вдруг вспомнила: — Кажется, я на него не ответила...

— Оно пришло недавно, правда?

— Не помню...

То письмо мало чем отличалось от большинства маминых писем: подробный отчет о небольших достижениях в работе и социальной жизни. Именно ее выбрали для рабочей поездки на несколько дней в Ганновер; их с Конрадом пригласили на День благодарения к американскому генералу. Единственное упоминание о путешествии на корабле было связано

с погодой: было довольно прохладно, и вместо купания Конрад с мамой много играли в бридж. Это было ровно месяц назад...

— Неважно, милая, — заметил Ричард. — Вечером поговоришь с Конрадом, и, если дела обстоят серьезно, увидишься утром с мамой.

— Да, конечно. — Но Анна все еще волновалась. — Я хотела ей написать! Но квартирные хлопоты, новая работа...

Анне почему-то казалось, что ее письмо могло защитить маму от пневмонии.

— Никто не может заболеть пневмонией из-за игры в бридж, — заметил Ричард. — Даже твоя мама.

Анна засмеялась: а ведь и правда! Мама вечно доводила все до абсурда.

Анне вдруг непонятно почему вспомнилось — тогда они только переехали в Англию, — как мама решила купить ей ботинки. Пришлось пройти пешком всю Оксфорд-стрит, от Тотнем-Корт-роуд до Марбл-арк, заходя по дороге во все магазинчики. Скоро стало понятно, что во всех этих «Долкис», «Лиллис и Скиннерс» и «Мансфилд» продается одна и та же модель. Но мама продолжала настаивать, что где-то, возможно, есть ботинки намного лучше и дешевле всех прочих. А когда они наконец купили точно такую же пару, что видели в самом начале, мама заявила:

— Зато мы, по крайней мере, знаем, что ничего не упустили.

Мама терпеть не могла что-нибудь упускать, реальное или воображаемое, — от пары дешевых ботинок до солнечного дня.

— Она романтик, — сказала Анна. — И всегда такой была. Папа тоже был романтиком, но на свой лад.

— Меня всегда поражало, что эмигрантская жизнь для твоей мамы была гораздо нестерпимее, чем для твоего отца. По крайней мере, судя по твоим рассказам, — заметил Ричард. — А ведь твой отец был писателем и действительно все потерял: и деньги, и известность, и язык, на котором писал. — Ричард разволновался — как всегда, когда заговаривал о папе. — Я вообще не понимаю, как можно после этого жить.

На мгновение Анна ясно представила себе папу: вот он сидит в обшарпанной комнатухе за разбитой пишущей машинкой и улыбается ласково и в то же время иронично, без тени жалости к самому себе. Анна неохотно позволила видению рассеяться. — Наверное, это странно звучит, — сказала она, — но папа, мне кажется, относился к происходившему даже с каким-то интересом. А маме пришлось иметь дело с бытовыми проблемами. И для нее это было тяжело.

Когда папа больше не мог зарабатывать, обеспечивать семью пришлось маме: она пошла работать секретаршей. Мама не умела ни печатать, ни стенографировать, но тем не менее как-то умела без этого обойтись: записывала близко к тексту то, что ей диктовали. Она справлялась, но все это было ей ненавистно. Мама с Анной жили вместе в одной комнатухе гостиницы лондонского пригорода Патни, и ночами мама то и дело пускалась перечислять, чем в жизни она хотела бы заниматься, «и вот теперь

этого уже никогда не будет». Иногда по утрам, собираясь на свою скучную работу, мама испытывала такую ярость, такое отчаяние, что от нее словно поднимался пар. Анна вспомнила, как один из маминых работодателей, человек с прилизанными волосами, занимавшийся продажей поношенных вещей, уволил маму: мол, его утомляет само мамино присутствие. Мама, вернувшись домой, расплакалась. Анна чувствовала себя беспомощной и виноватой, как будто могла что-то изменить!

— Какая досада, что мама заболела именно сейчас, — сказала Анна Ричарду, — когда у нее наконец все так хорошо устроилось...

После обеда Ричард вернулся к рукописи. Анна убрала со стола и принялась собирать вещи на случай, если все же придется лететь в Берлин. По какой-то неясной причине сама мысль об отъезде ужасала ее. «Ну почему? — думала она. — Почему все во мне противится этому?» Ей не верится, что мама серьезно больна, — вот почему. Или она боится возвращаться. Куда? В Берлин? К маме? Какие глупости! Как будто Анну могут оставить там навсегда...

Когда Анна вернулась в комнату, Ричард смял очередную лист бумаги и отправил в мусорную корзину. — Ничего не выходит. Слишком многое отвлекает. — Он взглянул на часы: — Чем бы ты хотела заняться до звонка Конрада?

Что-то щелкнуло у Анны в голове.

— Боже! — воскликнула она. — Мы же собирались пойти к Диллонам. Я совершенно забыла! Надо срочно им позвонить.

— К Диллонам? О! Пить с начальником! — Ричард сделал протестующий знак рукой, когда Анна потянулась к телефонной трубке. — Не надо ничего менять. Ему в любом случае придется сказать, если тебе потребуются лететь в Берлин.

Джеймс Диллон был начальником отдела драмы Би-би-си, и приглашение означало, что Анну собираются перевести с должности редактора на должность сценариста.

— Но мы должны быть дома, когда позвонит Конрад. — Это в паре кварталов отсюда, и у нас уйма времени. Пойдем, — сказал Ричард. — Всё лучше, чем сидеть взаперти и хандрить.

Когда они вышли, уже стемнело. Из-за морозящего дождя внезапно похолодало. Анна запахнула пальто поплотнее и просто доверилась Ричарду, который вел ее через лабиринт тихих улочек. Ричард раньше бывал у Диллонов, а Анна — еще ни разу. Это Диллону пришло в голову повысить Анну. Но изначально ее побудил писать Ричард. Когда они впервые встретились, Анна дала ему прочитать рассказ, который написала между созданием картин (рисование она считала своей настоящей профессией).

— Это хорошо, — решил он. — Ты должна писать!

Но, хотя Анна подбирала слова с легкостью («Это гены», — сказал Ричард), ей казалось, что это занятие сродни шарлатанству: ведь в душе Анна считала себя художницей. Однако никто не горел особым желанием покупать ее картины, а вот

получить работу на телевидении, пусть и не слишком ответственную, не составило для нее труда. К тому моменту, когда они с Ричардом поженились, Анна редактировала пьесы, а теперь ее собирались официально назначить сценаристом. Все случилось настолько внезапно, что она продолжала относиться к сценарной работе как к чему-то из мира Ричарда.

— Надеюсь, я справлюсь, — проговорила она. — А какая у Диллона жена?

— Она милая. Не беспокойся.

Анна и Ричард дошли до конца узкой улочки и сразу услышали шум шагов и голосов. Свернув на залитую светом Ноттинг-Хилл-гейт, они сразу очутились в толпе. Несмотря на усилившийся дождь, люди заняли тротуар чуть ли не до самой сточной канавы и двигались медленно, но решительно в одном направлении. Двое полицейских пытались сохранять расстояние между толпой и проезжающими автомобилями. Анну и Ричарда подхватило и повлекло с остальными.

— Кто это? — спросил Ричард.

Они с Анной рассматривали плывущие в темноте над ними блеклые, написанные от руки плакаты.

— Видимо, опять венгры, — ответила Анна. — Сегодня утром я видела шествие в Гайд-парке.

Толпа вдруг замедлила ход и почти перестала двигаться. Затор вызвала шумная компания, выкатившаяся из паба напротив. Одна крупная, очевидно, подвыпившая женщина чуть не споткнулась и громко выругалась:

— Кто это тут, черт возьми?

— Проклятые венгры, — ответил один спутников.

Человек с плакатом неподалеку от Анны, пожилой, в темной одежде, по ошибке принял этот «обмен мнениями» за интерес к происходящему и повернулся к говорившим.

— Русские убивают наш народ, — произнес он с сильным акцентом, с трудом подбирая слова. — Каждый день умирают многие сотни. Пожалуйста, англичане! Вы нам помочь...

Женщина непонимающе уставилась на него.

— Думаешь, мы хотим новой войны? — закричала она. — Думаешь, нам очень нужно, чтобы на головы наших детей снова падали бомбы из-за каких-то чертовых иностранцев!

Толпа двинулась снова. Между Анной и краем тротуара возникло пространство.

— Давай сюда! — воскликнул Ричард и вытянул Анну из толпы.

Под проливным дождем они перебежали через Ноттинг-Хилл-гейт, потом прошли темными извилистыми переулками и наконец очутились перед домом с высокой террасой. Ричард позвонил в колокольчик. Анна едва успела разглядеть заросший садик перед парадным входом и, кажется, детскую коляску под навесом, как дверь отворила стройная миловидная женщина с копной светлых волос.

— Ричард! — воскликнула женщина. — А вы, должно быть, Анна? Меня зовут Элизабет. Как замечательно! Мы давно хотели с вами увидеться!

Она повела гостей через узкий коридор, ловко огибая большого, слегка облысевшего плюшевого медведя и прислоненный к стене детский скутер.

— Столкнулись с демонстрацией? — спросила Элизабет, когда они поднимались по узким ступенькам. — Венгры целый день протестуют перед русским посольством. Бедные люди! Удачи им!

Она неожиданно свернула куда-то вбок, в кухню, завешанную выстиранным бельем. Там сидел маленький мальчик и ел хлопья в компании морской свинки, примостившейся рядом с его тарелкой.

— Джеймс считает, никто и пальцем не шевельнет ради них. Так уже было во время Мюнхенского сговора, — сказала Элизабет едва поспевающим за ней Анне и Ричарду. И тут же, не переводя дыхания, обратилась к мальчику: — Дорогой, не забудь посадить Патрицию в клетку. Помнишь, как ты расстроился, когда папа чуть на нее не наступил?

В ненадолго установившейся тишине, пока Элизабет переключала кубики льда из холодильника в стеклянную миску, стали отчетливо слышны доносившиеся откуда-то сверху звуки двух разных мелодий, игравших одновременно, и безудержный детский смех.

— Боюсь, у девочек нет музыкального слуха, — заметила Элизабет и добавила: — Конечно, никто не хочет третьей мировой войны.

Когда они выходили из кухни, Анна увидела, что морская свинка влезла передними лапами

в тарелку и чавкала, поедая хлопья. А мальчик сказал им вслед:

— Патриция не виновата. Папа не смотрел под ноги!

В соседней угловой комнате, служившей гостиной, их ждал Джеймс Диллон; его профиль римского императора смотрелся забавно в сочетании со старым свитером вместо привычного в студии полосатого костюма.

Когда все расселись с напитками в руках, Джеймс поцеловал Анну, обнял Ричарда за плечи и поднял свой бокал:

— За вас! За новый сериал Ричарда (уверен, он будет так же хорош, как и предыдущий) и за новую работу Анны!

Это был сигнал, которого, нервничая, ждала Анна. — Боюсь, мне не удастся приступить прямо сейчас, — поспешно сказала она и объяснила: у нее заболела мама.

Диллоны отнеслись к новости с пониманием. Джеймс сказал, чтобы Анна ни о чем не беспокоилась: пусть берет отпуск на столько дней, сколько потребуется. Элизабет сказала, что очень сочувствует Анне, но сейчас, с появлением пенициллина, пневмония уже не так опасна, как раньше, — и спросила:

— А чем твоя мама занимается в Берлине?

— Ты же родом оттуда, так? — уточнил Джеймс.

— Мама переводит документы для Американских оккупационных сил, — объяснила Анна. И да — до того, как им пришлось бежать от нацистов, их семья жила в Берлине, ей тогда было девять лет. Я не видела

всех этих ужасов, — быстро добавила она, заметив тревогу в глазах Элизабет. — Мои родители успели вывезти нас до того, как все началось. Нам с братом было даже интересно. Перед тем как приехать сюда, мы жили в Швейцарии, потом — во Франции. Нам нравилось ходить в разные школы и учить разные языки. А вот родителям, конечно, было нелегко, особенно отцу. Ведь он был писателем.

— Ужасно, — покачал головой Джеймс.

А Элизабет спросила:

— Где сейчас твой отец?

— Он умер вскоре после войны, — ответила Анна и неожиданно почувствовала себя совершенно беззащитной. Что-то всколыхнулось в ней, и она заговорила быстро-быстро, желая удержать свои чувства внутри: — В Гамбурге. Наверное, это выглядит странно: ведь папа не был в Германии с тех пор, как мы оттуда уехали... Но Британская контрольная комиссия* обратилась к нему с просьбой написать о возрождающемся немецком театре. До прихода Гитлера к власти папа был известным театральным критиком, и, я думаю, там решили, что это будет полезно для поднятия духа немецкого общества, — бормотала Анна скороговоркой.

Анна запнулась, но Диллонов, как она поняла, история захватила, и ей пришлось продолжать.

---

* Британская контрольная комиссия — один из органов Союзнической контрольной комиссии, осуществлявшей в переходный период после окончания Второй мировой войны контроль над Германией и странами — бывшими союзниками гитлеровской Германии.

— Папу отправили в Берлин на самолете. До этого он никогда не летал, но ему понравилось. Думаю, он не знал, что ждет его по прилете. У самолета отца встречали фотографы и репортеры. В честь него дали торжественный ужин. Потом повезли показывать город. А когда вечером он пришел в театр, весь зал поднялся и стал ему аплодировать. Думаю, для него все это оказалось чересчур. — Анна взглянула на Ричарда, внезапно усомнившись, стоит ли продолжать. — С ним случился удар, и спустя несколько недель он умер. Мама была рядом с ним... а мы... мой брат и я...

Ричард накрыл ее руку своей:

— Я жалею, что не знал его. И не читал его вещей. Мне кажется, их невозможно перевести.

Джеймс наполнил бокал Анны, и Диллоны тактично сменили тему разговора: заговорили о переводах вообще и о последней французской пьесе в частности.

Анна была благодарна Ричарду за то, что он держал ее за руку, и за возможность не принимать участия в беседе. Что это она так расчувствовалась! В конце концов, это случилось много лет назад. Но воспоминания не отпускали ее. Она видела папин гроб, накрытый английским флагом. Ей объяснили, что так принято, когда англичанин умирает за границей. Странно! Ведь папа так и не научился как следует говорить по-английски, да и англичанином официально стал только в последний год своей жизни. В ледяном зале немецкие музыканты играли Седьмую сонату

Бетховена, которую папа очень любил. Вместе с Максом и местным журналистом гроб несли британские солдаты.

Как папа и представлял себе.

Если бы умерла мама, все было бы по-другому... Но мама, безусловно, не может умереть. Она очень сильная. Анна вдруг ясно вспомнила маму, когда они с Максом, потрясенные случившимся, приехали к ней в Гамбург, тогда совершенно разоренный, и пили чай в спальне — единственной отапливаемой комнате в их номере.

— Bitte etwas Tee!* Я должна вам кое-что рассказать. О папе, — сказала мама.

«Что еще можно добавить к тому, что папа умер?» — подумала Анна.

Мама заговорила о том, что папа не смог преодолеть последствия инсульта. Но об этом они и так знали. О немецких врачах, о том, что тогда за пачку сигарет можно было достать все, что угодно...

«Что... — подумала Анна. — Что?!»

— Он был парализован и страдал от боли. Он чувствовал, что уже не способен мыслить так же ясно, как прежде. Я обещала ему помочь, если с ним такое случится.

Судорожный вздох Макса — мама бросает на него быстрый взгляд...

— Я сделала то, о чем он просил. Я ему помогла.

Она произнесла таким будничным тоном, что до Анны не сразу дошел смысл сказанного.

---

* Пейте, пожалуйста, чай! (нем.)

— Он этого хотел, — глядя на них, повторила мама, пусть и бледная, но непоколебимая в своей правоте. — Мы с ним даже не попрощались, — с трудом выдавил Макс.

Говорила ли что-нибудь она сама, Анна не помнила. Но она была полностью уверена: мама поступила правильно.

Анна заметила, что Ричард смотрит на нее и, как всегда, понимает, о чем она думает. Анна ответила ему благодарным взглядом и постаралась вслушаться в беседу, которая перешла от какой-то французской пьесы к ее автору. Джеймс Диллон отпустил какую-то остроту, и все рассмеялись. Элизабет, удобно устроившись на стуле, отбросила со лба непослушную прядь волос.

«Я здесь единственная, с кем могут случаться подобные вещи. А я этого не хочу. Я хочу быть как все...»

— Конечно, французская система образования...

— А как это воспринимает ребенок, живущий в Париже?

Анна поняла, что Элизабет адресовала свой вопрос к ней.

— В Париже? О... — Анна сделала над собой усилие и стала рассказывать о своей школе, о мадам Сократ — учительнице, которая помогла ей выучить французский, о тамошних друзьях, о загородных поездках и праздновании 14 Июля, Дня взятия Бастилии.

— Я так любила все это, — сказала Анна и поняла, что улыбается.

— Еще бы! — согласился, поднимаясь с места, Джеймс Диллон. Анна увидела на его лице классическое выражение заведующего отделом драмы Би-би-си. — Мы поступим так. Если в этом будет необходимость, ты поедешь к маме и сделаешь то, что от тебя требуется. А когда вернешься назад, займешься переработкой материала, о котором мы говорили. Но мне бы хотелось, чтобы ты подумала и над какой-нибудь собственной вещью.

Впервые с момента встречи Анна вся обратилась в слух:

— Над моей собственной?

— Почему нет? Пусть не очень большой, но собственной. — Джеймс повел своими поразительно густыми бровями. — Может выйти что-нибудь интересное.

Думать о возвращении из Берлина было гораздо приятнее, чем об отъезде. Анна даже постаралась заглушить в себе сомнения в том, что способна написать нечто самобытное.

— Хорошо, — сказала она. — Хотя я не совсем уверена...

— Подумай об этом, — кивнул Джеймс.

Добавить что-то к сказанному Анна не смогла из-за появления мальчика, прижимавшего к груди морскую свинку. Поздоровавшись, он прошлепал к маме, чтобы та его обняла. Потом он что-то шепнул ей на ухо, ему сказали, что шептаться некрасиво, и он громко спросил: «Можно Патриции чипсы?»

— Разве она любит чипсы? — спросила Элизабет.

— Не знаю. Это... — Он наморщил свой лобик в поисках нужного слова, и оно нашлось: — Эксперимент!

Мальшу выдали немного картофельных чипсов с общего блюда, и все стали наблюдать, как морская свинка понюхала их, а потом начала грызть в углу комнаты.

— Ей понравилось, — отметил довольный мальчик.

— Пойди принеси блюдечко, — сказала Элизабет. — И у вас с Патрицией будет собственная порция чипсов.

— Ладно. — Он подхватил свинку. — Пойдем, Патриция. У тебя сейчас будет... — Он запнулся, но когда подошел к двери, все услышали его счастливым голосом: — Банкет!

— Какой богатый словарный запас, — отметил Ричард. — Сколько ему?

— Шесть, — ответила Элизабет.

Мальш, очевидно, был для них светом в окошке. — Он любит слова, — сказал Джеймс. — Научился читать, когда ему было четыре. Сейчас пробует писать рассказы.

— Бóльшая часть из них — о Патриции, — улыбнулась Элизабет. — Готова спорить, вы не знали, что морские свинки умеют управлять самолетами. — Она умолкла, потому что вернулся мальчик. Элизабет помогла ему насыпать в блюдечко чипсы. И тут ее поразила какая-то мысль. Она повернулась к Анне: — Но ведь вы в его возрасте говорили только по-немецки. Это просто невероятно! А сейчас тоже говорите?

— Немного, — ответила Анна. — Я почти забыла язык.

Элизабет передала блюдечко сыну и сказала:
— Эта дама забыла почти все слова, которые знала в твоём возрасте, представляешь? А вместо этого она выучила совершенно другие слова.

Мальш недоверчиво посмотрел на Анну:

— Я бы не смог.

— Чего не смог? — спросил Джеймс.

— Забыть.

Все уставились на него с удивлением.

Мальчик набрал побольше воздуха:

— Я бы не смог забыть все слова, которые знаю. Даже если бы... даже если бы я выучил миллион триллионов новых слов. Я всегда буду их помнить.

— Даже если бы ты оказался в таком месте, где никто-никто не говорит по-английски? — спросил Джеймс. — Даже тогда?

— Я бы все равно помнил, — сказал мальчик.

Его отец улыбнулся:

— Ты уверен?

— Я бы помнил Патрицию. — Он покрепче прижал морскую свинку к груди. — Больше того! — заявил он, торжествуя. — Я бы помнил о ней по-английски!

Все рассмеялись. Ричард поднялся и сказал, что им пора домой. Но тут раздался шум, и на лестничной площадке появилась девочка лет девяти, с трудом держа на руках большего невозмутимого младенца.
— Он хочет есть, — объявила девочка.

Девочка чуть помладше, идущая за ней, тут же закричала:

— И я хочу!

Обе захихикали, и их познакомили с Анной, которая как раз прощалась с их родителями. В суете младенец оказался на полу, в компании морской свинки. Элизабет взяла его на руки, и он тут же принялся сосать рукав ее платья.

Джеймс проводил Анну с Ричардом до двери.

— Удачи! — пожелал он, стараясь перекричать детские «до свидания». — И подумай над тем, что я сказал.

Анна вышла, а перед глазами у нее все стояла картина: Элизабет на верхней ступеньке лестницы с младенцем на руках.

— Я же говорил, она замечательная, — повторил Ричард, когда они зашагали по дороге.

Анна кивнула. Дождь перестал, но совсем недавно, и тротуары еще были мокрые.

— Думаешь, я смогу написать что-нибудь свое? — сказала Анна. — Попробовать интересно. Если мне придется лететь к маме, то, наверное, ненадолго.

— Возможно, всего на несколько дней.

Ноттинг-Хилл-гейт опустела. Демонстрантов, без сомнения, разогнал ливень, и они разошлись по домам. Рваный плакат, валявшийся в луже, служил единственным напоминанием о них.

— Знаешь, почему мне так неприятна мысль о поездке в Берлин? — спросила Анна, обходя лужу. — Может, это и глупо, но я опасюсь русских. Вдруг они захватят весь Берлин и запретят выезжать оттуда? И я окажусь в ловушке... Но ведь им не дадут, правда?

Ричард отрицательно покачал головой:

— Это равносильно началу войны с Америкой.

— Да, конечно. Но мне все равно страшно.
— Тебе было страшно, когда вы бежали из Германии?
— Может, это нелепо звучит, но тогда я толком не понимала, что происходит. Помню, что на границе я что-то сморозила, а мама велела мне умолкнуть. Благодаря маме все казалось в порядке вещей. — Они лавировали между лужами. — Надо мне было ответить на ее письмо!

По возвращении домой Анна ощутила прилив хозяйственности.

— Нужно составить список необходимых дел, например доставка коврика... Да! Что ты будешь есть, пока меня не будет? Вечером я что-нибудь приготовлю. А ты потом разогреешь.

Анна составила список, решила, что приготовить, и к тому времени, когда Конрад должен был позвонить, чувствовала себя готовой к любому повороту событий. Усевшись рядом с телефонным аппаратом, она мысленно перебирала вопросы, которые нужно задать, и ждала. Конрад позвонил точно в девять. Сначала Анна услышала гул немецких голосов, а потом — голос Конрада, на удивление спокойный.

— Как мама? — спросила Анна.

— Без изменений, — ответил Конрад, а дальше, видимо, последовала заготовленная речь: — Думаю, тебе надо прилететь завтра утром. Кто-то из ее близких должен быть здесь.

— Конечно, — и Анна сообщила номер своего рейса.

Конрад сказал, что встретит ее.

Ричард, стоявший рядом, спросил:

— А что Макс? Он звонил Максусу?

— Ах да... — сообщила Анна. — А что Макс?

Конрад ответил, что еще не звонил ему («Значит, ничего страшного», — решила Анна), но позвонит утром, если будет необходимость.

— Дорогая моя, — продолжал Конрад узнаваемо заботливым тоном, — надеюсь, тебя это не слишком сильно расстроило. Приношу свои извинения за вторжение в вашу семейную жизнь. Надеюсь, все быстро уладится.

Она и забыла, что Конрад всегда подчеркивает: Анна и Ричард — семья. Это было приятно, и настроение Анны внезапно улучшилось.

— Всё в порядке, — заверила она. — Ричард передает тебе привет.

Анна хотела спросить о чем-то еще, но о чем — у нее совершенно вылетело из головы.

— Да... А как это мама умудрилась подхватить пневмонию?

В трубке возникла пауза, и Анна решила, что Конрад не расслышал вопроса. Но потом он ответил. И несмотря на все помехи, связанные с расстоянием, Анна почувствовала, что голос его изменился.

— Мне жаль, — сказал он сухо. — Твоя мама приняла смертельную дозу снотворного.